

Билли

Автор:

Анна Гавальда

Билли

Анна Гавальда

Эта книга о мужестве, о дружбе, о любви. И о том кайфе, который испытываешь, когда меняешь первоначальный расклад.

Двое подростков из провинциального захолустного городка имели все шансы обеспечить себе самую что ни на есть наидерьмовейшую жизнь: Билли росла в нищей и пьющей семье, над Франком измывались, потому что он был не такой, как все.

Но однажды по воле жребия им выпало вместе разучивать сценку из пьесы Альфреда де Мюссе «С любовью не шутят». С этого момента и начинается история одной большой любви, благодаря которой два гадких утенка, поддерживая друг друга и неустанно напоминая друг другу о том, что оба они красивы, взрослеют и превращаются в прекрасных лебедей.

Анна Гавальда

Билли

Всем «подпольщикам» посвящается

* * *

Мы злобно переглянулись. Должно быть, он думал, что именно я во всем виновата, я же считала, что это все равно не дает ему права так на меня смотреть. Ведь я уже столько глупостей натворила с тех пор, как мы с ним знакомы, и столько раз это было ему на руку, столько раз благодаря мне он веселился на славу, что с его стороны было бы просто подло упрекать меня теперь только потому, что моя очередная выходка, похоже, грозит закончиться плохо...

Черт побери, откуда я могла знать, что все так обернется?

Я плакала.

– Ну что, доигралась? Тебя мучают угрызения совести? – прошептал он, закрывая глаза. – Нет... какой же я глупец... угрызения совести – тебя!..

Он был слишком слаб, чтобы всерьез на меня сердиться. К тому же это было бессмысленно. И тут я с ним всегда соглашусь: угрызения совести – это явно не про меня, я и слов-то таких не знаю...

Мы находились на дне какой-то ущелины, или как там ее называют, в общем, в полной географической заднице. В самом низу этакой... каменистой осыпи посреди Национального парка Севенны, где не ловит мобильная связь, куда ни один баран не забредет – и уж тем более ни один пастух, – и где нас точно никто никогда не найдет. Я сильно ушибла руку, но могла ею шевелить, а вот он, судя по всему, был совсем плох.

Я всегда знала, что он мужественный человек, но тут он вновь преподносил мне урок.

В который уж раз...

Он лежал на спине. Сначала я попыталась было соорудить ему из своих ботинок нечто вроде подушки, но стоило мне приподнять ему голову, как он практически потерял сознание, так что от своей затеи я отказалась и больше его не трогала. Он тогда, кстати, впервые струсил: возомнил, что свернул себе шею, и

перспектива закончить жизнь овощем настолько его ужаснула, что он несколько часов ныл, умоляя меня бросить его в этой дыре или прикончить.

Ладно. Поскольку мне нечем было аккуратно его прибить, я предложила поиграть в больничку.

Увы, мы не были с ним знакомы в том возрасте, когда играют в доктора понарошку, но я уверена, что и тогда мы не стали бы с ним засиживаться в приемной... Моя мысль его позабавила, и это было по-настоящему здорово, это единственное, что мне хотелось бы забрать с собою на тот свет, в ад или куда еще, потому что такие улыбки – слабые, едва живые, буквально вырванные из небытия – они дорогого стоят.

Все остальное, прямо скажем, можно оставить в камере хранения...

Я принялась щипать его за разные места, сначала легонько, потом сильнее. Всякий раз, когда он морщился от боли, я ликовала. Значит, мозги у него на месте и мне не придется до самой смерти катать его в инвалидной коляске. В противном случае, без проблем, я готова была размозжить ему голову. Я достаточно сильно его любила.

– Ну что ж, кажись, все не так уж страшно... ты только повизгиваешь, значит все путем, да? На мой взгляд, ты просто сломал себе ногу, а еще бедро или таз... ну, в общем, что-то такое в этом периметре...

– М-м-м-м...

Кажется, я его не убедила. Кажется, что-то его смущало. Видимо, я не вызывала доверия без белого халата и этих дурацких трубочек на шее. Он глядел в небо, хмурил брови и мрачно причмокивал.

Я видела, в каком он состоянии, – я знала все выражения его лица, – и понимала, что остается еще один деликатный момент.

Да уж, точнее не скажешь...

- Эй, Франки, заканчивай... полный бред, глазам своим не верю... ты что, хочешь, чтоб я и его проверила на работоспособность?

- ...

- Да?

Я видела, как он изо всех сил старается сохранить приличествующий умирающему вид, но для меня проблема заключалась вовсе не в приличиях. Скорее, меня мучил вопрос эффективности. Ситуация сложилась непростая, и не могла же я рисковать с вынесением подобного приговора просто потому, что была не в его вкусе...

- Эй, я не то чтобы не хочу, слышишь? Но ты же...

Все это мне напомнило Джека Леммона в финальной сцене «Некоторые любят погорячее»^[1] - «Некоторые любят погорячее» (англ. *Some like it hot*, 1959 г.) - музыкальная комедия режиссера Билли Уайлдера, в российском прокате известная под названием «В джазе только девушки». (Прим. переводчика)]. Как и у него тогда, мои аргументы подходили к концу, и мне пришлось использовать последний патрон, остававшийся у меня в обойме, лишь бы только от меня отвязались.

- Я девочка, Франк...

И тут, видите ли... если бы я сейчас представляла доклад по углубленному изучению Дружбы, такой, знаете, со всякими схемами и сравнительными таблицами, с диапроектором, маленькими бутылочками воды и прочей хренью на столах, объясняя происхождение, состав и как отличить подделку, так вот тут я остановила бы слайд-шоу и своей учительской «мышью» подчеркнула бы его ответ.

Эти три простых слова, которые он шутливо выдохнул из последних сил, с натянутой улыбкой человека, возможно обреченного на смерть, еще не знающего, суждено ли ему выжить, и не превратится ли его жизнь в сплошное страдание, и сможет ли он еще когда-нибудь трахаться:

- Well... Nobody's perfect...[2 - Что ж... Никто не совершенен... (англ.)]

Да, впервые в жизни я была бы стопудово уверена в себе, и пусть пеняют на себя все те, кто что-либо не понял, плохо разглядел или вообще не догоняет – им никогда не отличить искреннего друга от несчастного гея, и я ничем не смогу им помочь.

Так что теперь – потому, что это был он, и потому, что это была я[3 - «Потому, что это был он, и потому, что это была я» – отсылка к знаменитой фразе Мишеля де Монтеня (1533–1592), французского писателя и философа эпохи Возрождения, которой он объясняет свои отношения с Этьеном де Ла Боэси (1530–1563) («Опыты», том I, глава XXVIII). (Прим. переводчика)], и нам все еще удавалось оставаться вместе, поддерживая друг друга на высоте даже в такие гнусные моменты, как этот, – я перелезла через него и протянула свою уцелевшую руку к низу его живота.

Я едва к нему прикоснулась.

- Послушай, – проворчал он через какое-то время, – я же не прошу тебя идти во все тяжкие, подруга... просто потрогай его, и забудем об этом.

- Я не решаюсь...

Он тяжело вздохнул.

Понятное дело, обижен. Вместе мы с ним попадали и в куда более неприятные ситуации, и я никогда особенно не церемонилась, и столько диких, грубых, скабрёзных историй ему понарасказывала, что сейчас снова выглядела неубедительно...

То есть абсолютно неубедительно!

Однако я не придурялась... я действительно не решалась.

Вот ведь никогда не знаешь наперед, где окажется та грань, за которой скрывается святое. По-прежнему сидя с протянутой рукой, я неожиданно

осознала ту пропасть, что отделяла меня – со всем моим нехилым сексуальным опытом – от его пиписьки. Да я бы все пиписьки перещупала, если надо, но только не его – я в кои-то веки сама себе преподносила урок.

Я всегда знала, что обожаю его, но прежде мне никогда не выпадало случая увидеть, насколько сильно я его уважаю – что ж, теперь ответ был у меня перед глазами: вот они, эти несколько миллиметров...

Или вся безмерность моего стыда. Нашего целомудрия.

Конечно, я понимала, что не смогу долго пребывать в этом идиотском образе застенчивой недотроги, однако сам факт сильно меня удивил. Нет, серьезно, это открытие собственной деликатности ошарашило меня не по-детски. Смущена и испугана, словно заново девочка, поди плохо! Да считай Рождество!

Ладно. Достаточно. Кончай болтать. Берись за работу, малышка...

Для начала, чтобы он расслабился, я принялась ласково барабанить пальцами вокруг его пупка, напевая «Тилибом, траляляй, хвост торчком и гуляй», но это не сильно его расслабило. Тогда я легла рядом с ним, закрыла глаза и припала губами к его... уф... ушной впадине, сосредоточилась и тихо-тихо, нет, даже еще тише, зашептала ему в ухо, возбуждающе постанывая и пуская слюни, все то, из чего, на мой взгляд, состояли самые худшие или лучшие его фантазмы, в любом случае – самые сокровенные, при этом еле заметным движением руки, едва касаясь ногтем, лениво, небрежно и равнодушно, в общем... со знанием дела, стала медленно обводить контур его ширинки.

Наконец волосики в его ухе вздыбились от ужаса, и моя честь была спасена.

Он чертыхнулся. Он улыбнулся. Он засмеялся. Сказал, какая ты глупая. Сказал, заканчивай. Сказал, дурища. Сказал, хорош! Да прекратишь же ты наконец! Сказал, ненавижу тебя, и сказал – обожаю.

Но все это было давно. Тогда у него еще оставались силы на то, чтобы заканчивать фразы, а я и подумать не могла, что когда-нибудь буду плакать с

ним рядом.

А сейчас надвигалась ночь, я замерзла, меня мучил голод, я умирала от жажды, и я сломалась, потому что не хотела, чтобы он страдал. И если бы я была честной, то тоже закончила бы свою фразу, добавив к ней «по моей вине».

Но я не честная.

Я сидела с ним рядом, прислонившись к уступу, и тихо убивалась.

Изводила сама себя горькими упреками.

Ценой невыносимого усилия, он приподнял руку и положил ее мне на колено. Я накрыла его ладонь своею и почувствовала себя еще слабее.

Мне не нравилось, что этот гнусный падальщик играл на моих чувствах. Это было нечестно.

Некоторое время спустя я спросила:

– Что это за звук?

– ...

– Ты думаешь, это волк? Думаешь, здесь водятся волки?

Поскольку он продолжал молчать, я закричала:

– Да ответь же мне, черт тебя побери! Скажи мне хоть что-нибудь! Скажи хоть «да» или «нет», скажи «Отвали!», только не оставляй одну... только не сейчас... прошу тебя...

Я взывала не к нему, нет, скорее, к самой себе. К своей глупости. К своему стыду. К бедности собственного воображения. Он никогда бы меня не бросил, и раз он молчит, значит, потерял сознание.

* * *

Впервые за долгое время его лицо не было похоже на немой упрек, и мысль о том, что ему легче, меня приободрила: ведь так или иначе, я нас отсюда вытащу, я просто обязана. Не для того мы проделали весь этот путь, чтобы закончить его безвестными героями «В диких условиях»[4 - «В диких условиях» (англ. Into the Wild) – кинофильм режиссера Шона Пенна по одноименной книге Джона Кракауэра, вышедший на экраны в 2007 г. (Прим. переводчика)] в этой лозерской дыре.

Нет, черт побери, такому позору не бывать...

Я размышляла. Во-первых, ухали явно не волки, а птицы. То ли совы, то ли кто-то еще. А во-вторых, от переломов не умирают. У него не было жара, он не истекал кровью, он был обездвижен, пускай, но не в опасности. Так что в данный момент лучшее, что я могла сделать, это выспаться, чтобы набраться сил, а завтра, на рассвете, когда все это дерьмо под названием природа с новой силой обрушится на меня, я отправлюсь в путь.

Я пройду через этот гадский лес, пройду через эти гадские горы и добыюсь, чтоб в эту долину прилетела-таки эта чертова «вертушка».

Ну вот и все сказано. Мне придется расстараться, клянусь честью поэтессы, но на плато Кос остаться нам без крова не грозит. Потому как семейных радостей пеших походов – э-ге-гей, шагай бодрей! – вместе с тупыми ослами и тупицами в стрессе – нам и двух минут выше головы хватило.

Сожалею, ребята, но весь этот ваш Quechua[5 - Quechua – марка спортивной одежды, обуви и инвентаря по доступным ценам. (Прим. переводчика)] не для нас.

Ты слышишь, малыш? Слышишь, что я говорю? Ни за что на свете, покуда я жива, ты не свалишь в деревню. Никогда. Лучше сдохнуть.

Я улеглась, тут же заворчала, встала, чтобы расчистить свое лежбище и сгрести в сторону острые камни, впивавшиеся мне в спину, снова растянулась и, прижавшись к нему, замерла неподвижно.

Заснуть не удавалось...

Маленькие демонята, живущие в моей голове, объелись кислоты...

Там грохотал бретонский марш традиционного военно-морского оркестра в техно-ремиксе.

Ад.

Мои мысли неслись с такой бешеной скоростью, что я уже за ними не поспевала, к тому же, как я ни старалась плотнее прижаться к Франки, покрепче обнять саму себя рукой, теплее мне не становилось.

Я замерзала, DJ Grumpy[б - Диджей Ворчун (англ.)] вышиб последние нейроны мужества, которые у меня еще оставались, и маленькие слезинки из тех, что попроворнее, незамедлительно этим воспользовались, чтобы пробраться наружу, как крысы, одна за другой.

Черт, я уже и забыла, как это бывает.

Чтобы их остановить, я запрокинула голову назад, а там, там – ничего себе!

Меня вставило не оттого, что я вдруг увидела звезды – пока мы здесь шлялись, этого добра мы насмотрелись сполна, – а оттого, что мне вдруг открылась хореография звездного неба. Плик! Они – Глинь! – вспыхивали одна за другой, ритмично. Я и не знала, что такое – Динь! – возможно...

Они сверкали, словно ненастоящие.

Как будто светодиоды, а если и звезды, так совсем еще новые, только что распакованные. И будто бы кто-то крутил регулятор яркости.

Это было... великолепно...

Внезапно я почувствовала себя не такой одинокой и повернулась к Франку утереть сопли о его плечо.

Так, стоп... подонки, ведите себя прилично... добрый Боженька вам свой волшебный шарик дает, а вы нюни распускать...

Интересно, бывают ли в галактиках приливы, как в океане, или все это специально для меня? Подъем уровня Млечного Пути? Мегарэйв сказочных фей, явившихся осыпать мою голову золотой пылью, чтобы помочь мне подзарядить батарейки?

Звезды вспыхивали повсюду, и от их света, казалось, теплее становилась ночь. И я как будто загорала во тьме. И мир как будто перевернулся. И я уже не прозябала где-то там, на дне пропасти, нет, я как будто была на сцене...

Да, пусть я сейчас и находилась ниже некуда (находилась или нашлась?) – (ну, в общем, я перевернула картинку...), что-то все же было в моей власти.

Я ощущала себя в центре гигантского концертного зала, в этаким «Зените»[7 - «Зенит» (франц. Zenith) – легендарный концертный зал в 19-м округе Парижа. (Прим. переводчика)] под открытым небом, только от края земли и до края, в самый разгар исполнения наикрутейшей песни, среди огромных экранов и множества огней от всех этих горящих зажигалок, от тысяч волшебных свечей, направленных ангелами на меня, – я должна была соответствовать. Я больше не имела права оплакивать свою судьбу, и мне бы так хотелось поделиться всем этим с Франки...

Он, конечно, тоже не отличил бы Большую Медведицу от Маленькой Кастрюли, но был бы так счастлив увидеть всю эту красоту... Так счастлив... Ведь это он настоящий художник из нас двоих... И именно благодаря его утонченному чувству прекрасного нам удалось выбраться из того дерьма, в котором мы обретались, и именно для него сейчас Вселенная достала этот роскошно поблескивающий смокинг.

Чтобы его отблагодарить.

Чтобы отдать ему дань уважения.

Чтобы сказать ему: мы знаем тебя, малыш... Да, да, мы отлично тебя знаем... Мы за тобой наблюдаем и уже давно заметили то, что ты одержим красотой... Всю свою жизнь ты только и делаешь, что ищешь ее, служишь ей и ее создаешь. Так что смотри... Любуйся, ты это заслужил... Взгляни на себя в это бескрайнее зеркало... Сегодня ночью мы наконец отдаем тебе должное... Твоя подружка, она вульгарна, вечно плюется да ругается, как старая шлюха. Мне непонятно, кто вообще ее сюда пустил... Вот ты – это другое дело... Ты нам как сын... Ты – член семьи... Иди же к нам, сынок, потанцуй-ка с нами...

Я разглагольствовала вслух...

С присущей мне скромностью я выступала ни много ни мало от имени Вселенной, обращаясь к парню, который не мог меня слышать.

Это было глупо, но мило...

Вот ведь как сильно я его любила...

Уф... и последнее... еще одну вещь мне хочется вам сказать, госпожа Вселенная... (произнося эти слова, я представляла себе Джеймса Брауна), хотя нет, на самом деле, две...

Во-первых, оставьте моего друга там, где он есть... И не зовите его больше, он не придет. Он, даже если и стыдится меня, все равно никогда меня не бросит.

Это так, и даже вам не под силу это изменить, а во-вторых, извиняюсь за свою постоянную брань.

Это правда, я перебарщиваю, но всякий раз, когда у вас вянут уши от моей ругани, знайте, что виной тому вовсе не отсутствие уважения – просто я бешусь, вовремя не находя верных слов. It's a man's world, you know...

– I feel good[8 - Здесь: Это мужской мир, вы знаете... – Все хорошо (англ.)][9 - «It's a Man's World», «I Feel Good» – названия известнейших синглов Джеймса Брауна (1933–2006), американского певца, признанного одной из влиятельнейших фигур в поп-музыке XX в. (Прим. переводчика)], – ответила мне Вселенная.

* * *

Я смотрела на все эти звезды и искала среди них нашу.

В том, что у нас была наша собственная звезда, я даже не сомневалась. Пусть не у каждого своя, но уж одна на двоих это точно. Наш общий маленький небесный светильник. Да, этот добрый маленький огонек, что обнаружил нас в день нашей встречи и год за годом опекал и в горе, и в радости, и, кстати, неплохо справлялся вплоть до сегодняшнего дня.

О'кей, несколько последних часов наша звезда, пожалуй, немного лажала, но вроде бы все уже прояснилось...

Она прихорашивалась, красотка.

Щедро опрыскивала себя блесками от Sephorus[10 - Игра слов: Sephora – крупнейшая сеть магазинов парфюмерии и косметики во Франции, плюс «звездный» суффикс –us, как у Сириуса и пр. (Прим. переводчика)].

Ха! Нормально – это ведь наша! Не будет же она держать свечку Всевышнему, пока ее подружки умчались на салют!

Я искала ее.

Придирчиво осматривала каждую, чтобы найти ее, потому что хотела многое ей сказать... Вернее, напомнить...

Я искала ее, чтобы убедить помочь нам еще разок.

Несмотря на все, что мы натворили.

Вернее – натворила я...

Да. Раз уж все это случилось по моей вине, то мне и дергать ее за лучик, активизируя службу поддержки.

Все прочие тоже были прекрасны, но мне на них было насра... прошу прощения, начхать, тогда как эта, уверена, стоит мне только поговорить с ней от чистого сердца, снова к нам снизойдет...

* * *

Кажется, я ее нашла.

Кажется, это она, вон та... Я касаюсь ее кончиком пальца, а между нами миллиарды световых лет...

Крохотная, вся из себя такая мимими, блестящая что твой Swarovski, чуть поодаль ото всех.

Слегка в стороне...

Ну да, конечно, это была она. Размер XXS, недоверчивая одиночка, отдававшая всю себя. Блиставшая изо всех сил. Радовавшаяся тому, что она здесь. Обожавшая песни и знавшая все слова наизусть.

Призывно сверкающая в ночи...

Она наверняка последней уходила спать и первой вставала. Каждый вечер выходила в люди. Отжигала вот уже тысячу миллиардов лет, но по-прежнему не теряла блеска.

Эй, я не ошиблась?

Эй, это и вправду ты?

Прошу прощения, это и вправду вы?

Скажите... У вас найдется пара минут, могу я с вами поговорить?

Могу ли я вам напомнить, кто мы такие, Франк и я, чтобы вы снова нас полюбили?

В ее молчании мне послышался тяжкий вздох, что-то вроде: «Ох, и как же вы все меня достали, спасайся кто может... хотя ладно, вам повезло, сейчас медленный танец, а у меня нет кавалера. Так что давайте, говорите, я слушаю. Гоните побыстрому вашу историю, и я пойду подкрепляться своим Milky Way».

Я нашла руку Франка и сжала ее изо всех сил, а потом еще некоторое время приводила нас с ним в порядок.

Да, я навела красоту, чтобы представить нас в наилучшем свете: чистенькими-красивенькими, причесанными, приглаженными, и мы отправились покорять небеса.

Как Базз Лайтер[11 - Базз Лайтер (англ. Buzz Lightyear) – персонаж студии «Pixar», космический рейнджер, один из главных героев серии мультфильмов

«История игрушек». (Прим. переводчика)].

Навстречу бесконечности и дальше...

* * *

Франка называли Франком, потому что его мать и бабушка тащились от Франка Аламо («Biche, oh ma biche», «Da doo ron ron», «All? Maillot 38-37»[12 - Названия популярных песен 60-х гг. французского певца, известного под псевдонимом Франк Аламо (настоящее имя – Жан-Франсуа Гранден, 1941–2012). (Прим. переводчика)] и все такое прочее) (Да-да, и такое бывает...), а меня называли Билли, потому что моя мать сходила с ума по Майклу Джексону («Billie Jean is not my lover / She's just a girl»[13 - Билли Джин – не моя любовница, / Она просто девушка (англ.)][14 - Слова из песни «Billie Jean» (альбом «Thriller», 1982 г.) легендарного американского артиста Майкла Джозефа Джексона (1958–2009). (Прим. переводчика)] и т. д.).

Так что изначально мы с ним были не одним миром мазаны и никак не предполагалось, что однажды мы станем встречаться.

Что до Франки, то его матушка и бабушка так хорошо заботились о нем в детстве, что он подарил им си-ди «Возвращение йе-йе», билеты на концерт «Большое возвращение йе-йе», на музыкальный спектакль «Привет, друзья», блю-рей плеер и даже круиз в придачу.

А когда преставился его драгоценный папик, Франк взял день отпуска, поехал на поезде к своим, привез их в первом классе и сопровождал до погоста уж и не знаю какой там церкви. И все это, чтобы поддержать их в тот момент, когда, напевая «Последний раз взмахнув рукой»[15 - «Sur un dernier signe de la main» – песня Франка Аламо. (Прим. переводчика)], они загрузили гроб в катафалк...

Про свою мать я даже не знаю, были ли у нее еще дети после меня, какие-нибудь Бэд или Триллер, не знаю, плакала ли она, когда Бэмби прыгал в

пропасть, потому что она свалила, когда мне еще и годика не исполнилось. (Надо сказать, я была на редкость доставучим ребенком... Мой папаша так мне однажды и заявил: «Твоя мать свалила, потому что ты была на редкость доставучим ребенком. Это правда, ты все время вопила»...) (Понятия не имею, сколько надо психоаналитиков, чтобы оправиться от подобного утверждения, но думаю, до хрена!)

Вот так вот однажды утром она ушла, и больше мы ничего о ней не слышали...

Моя мачеха на дух не переносила мое имя. Она говорила, что так называют только плохих мальчишек, и тут я никогда не могла ей ничего возразить... Как бы то ни было, я не стану поливать ее грязью... Хотя она и была настоящей дрянью, но в общем-то тоже не по своей вине... И вообще, я здесь сейчас не о ней говорить собиралась. Каждому свое.

Ну вот, звездочка моя, с детством покончили.

Франк о детстве говорить не любит, если и вспоминает когда, то лишь для того, чтобы от него откреститься. А у меня детства не было.

Одно то, что мне до сих пор нравится мое имя – учитывая мои обстоятельства, – это уже подвиг.

Только гению Джексона было такое под силу...

* * *

Мы с Франком ходили в один и тот же колледж, но лишь за два года до его окончания впервые заговорили друг с другом. На самом деле это был единственный год, когда мы с ним учились в одном классе. Позже выяснится, что впервые мы оба заметили друг друга еще в пятом классе, на общей линейке в первый учебный день. Да, мы узнали друг друга с первого взгляда, но бессознательно избегали общаться все эти годы, словно чувствовали, что у каждого своих проблем выше крыши, и не решались взвалить на себя хоть что-то еще.

В школе я в основном искала дружбы с девочками в стиле Polly Pocket[16 - Polly Pocket (англ., букв. Карманная Полли) – линия игрушек, включающая в себя миниатюрных пластиковых кукол и множество аксессуаров. Первоначально наборы выпускались в футлярах карманного размера, с конца 90-х куклы Полли существенно «подросли» и в современном виде похожи на мини-Барби. (Прим. переводчика)]. Такие длинноволосые милашки, у каждой – отдельная комната, целые коробки дорогих пирожных и мама, которая еженедельно подписывает дневник. Я делала все возможное, чтобы им понравиться, чтобы они почаще приглашали меня к себе.

Но, увы, всегда наступал такой момент, когда мои котировки резко падали... Обычно это случалось с приходом зимы... Значительно позже я поняла почему – всему виной был... была моя водогрейка... ну и... и в общем... соответственно, запах... грязной девки... уф, я даже заговариваюсь, настолько стыдно вспоминать. Ладно. Проехали.

Все эти годы я столько о себе врала, что вынуждена была писать своеобразные шпаргалки, чтобы не запутаться, переходя из класса в класс.

Дома я скалилась, как львица на голодном пайке – другого все равно не было, а вот в школе не высывалась. В любом случае у меня бы сил не хватило обороняться двадцать четыре часа в сутки. Это надо на собственной шкуре испытать, чтобы понять, и те, кто испытал, прекрасно знают, о чем я говорю: круговая оборона... все время, всегда начеку... Особенно когда вокруг все спокойно... Моменты затишья – это самое худшее, это значит... Уф, да ну его на фиг... Наплевать.

Как-то раз на уроке географии наш учитель мсье Дюмон, сам того не ведая, открыл мне глаза на мою жизнь. «Четвертый мир... – сказал он, – это население, живущее за чертой бедности». Он говорил об этом запросто, как об экспорте полезных ископаемых или о песчаных наносах в бухте острова Мон-Сен-Мишель, но я, помнится, покраснела от стыда. Я и не знала, что в словаре есть специальный термин для обозначения той помойки, в которой я жила... Уж мне-то было прекрасно известно, что такого рода общество не особенно бросается в глаза. Никакие соцработники никогда к нам не приходили... Если на тебе нет следов побоев и ты каждый день ходишь в школу, то для всяких комиссий по

защите прав ребенка ты просто не существуешь, а моя мачеха – не скажу, чтоб она выглядела уж очень прилично, но все же к ней относились с уважением, здоровались, когда она шла в супермаркет, спрашивали, как дети и все такое.

Я так никогда и не узнала, где она брала свое пойло...

Кому-то в детстве не давала спать Зубная фея, кому-то Санта-Клаус, а для меня самой большой загадкой было – откуда берутся все эти чертовы пустые бутылки. Откуда?

Большая, большая тайна...

* * *

И вовсе не государственная школа вытащила меня из этого дерьма. Не училки, не препода, не милая мадемуазель Жизель, готовившая нас к первому причастию, не родители одноклассников, вечно негодующие по поводу веса портфелей своих детей, не более продвинутые родители моих чудесных подружек, слушавшие «Франс-Интер», читавшие книги и все остальное, нет, не они, а он... (в кромешной тьме я указала на него пальцем) он, Франк Мюллер...

Да, да, это именно он и есть... Этот дохляк Франк Мюмю, который был на полгода меня младше и на пятнадцать сантиметров ниже ростом, который терял равновесие всякий раз, когда его хлопали по плечу, и которому вечно доставалось на автобусной остановке. Это он меня спас...

Он один.

Честно, я ни на кого не в обиде, сами видите, даже сейчас, я вот вам все это рассказываю и ведь ничего, справляюсь. Все это было давно. Все это так далеко от меня, что это как будто уже и не я в самом деле...

Хотя, признаюсь, меня всегда охватывает паника, когда приходится заполнять какие-нибудь бумаги. Фамилии родителей, место рождения, от одного этого у

меня сразу подводит живот, но ничего, потом проходит. Это быстро проходит.

Единственное, что не проходит, – это то, что я больше никогда в жизни не хочу их видеть. Никогда, никогда, никогда... Никогда я не вернусь обратно, никогда. Ни на какую свадьбу, ни на какие похороны, ни за что. Да я даже если на машине замечаю номер с цифрами этого департамента, сразу перевожу взгляд на что-нибудь другое, чтобы приободриться.

Давным-давно – не думаю, что сегодня ночью успею вам это рассказать, поэтому вкратце, – так вот, давным-давно, когда меня постоянно перемыкало, мое детство еще слишком часто и больно напоминало мне о себе, а сама я все чаще тянулась к бутылке, как говорится, для самозащиты, так вот, тогда я послушалась Франка: осуществила принудительную перезагрузку.

Я полностью вычистила свой жесткий диск, чтобы начать все сначала – в режиме «без неудач».

Это заняло кучу времени, и, думаю, у меня получилось, но все, чего я прошу взамен, это никогда больше их не видеть.

Никогда в жизни.

Даже мертвыми. Даже сожженными. Даже истлевшими на дне канавы.

И знаете, даже если... на этот раз буду с вами честна до конца... Даже если вы скажете мне сейчас: ладно, даю тебе двух санитаров, сэндвич с маслом и ветчиной, и ящик воды «Сан-Пеллегрино», а взамен ты помашешь ручкой своей мачехе или еще какой сволочи, так вот, тут я скажу вам «нет».

Нет.

Я отвечу «нет» и найду другой способ вытащить нас отсюда – без вашей помощи.

* * *

Ну так вот, значит, мы с ним ходили в один и тот же колледж в городке с населением меньше трех тысяч человек в так называемой сельской местности. «Сельская местность» – это красиво сказано. Так и видишь ручьи да холмы. Только поселок, откуда я родом и где прошло мое детство, вся эта местность ничем таким «сельским» не отличались. Это была, да и есть, та часть Франции, где уже давно ничего не течет, ничего не происходит, одно сплошное разложение.

Да, этот край гниет... Он умирает... Край, где хорошие парни слишком много пьют, слишком много курят, слишком сильно верят в лотерейное счастье, слишком сильно вымещают свою злость на близких и на животных.

Это мир самоубийц, сжигающих себя на медленном огне и тянущих за собой тех, кто слабее...

Их послушать, так проблемы только у молодежи с окраин, но жить в деревне, моя дорогая, это тоже, знаете ли, не так-то легко.

Вот только чтобы жечь машины, для начала нужно, чтоб они были, – а у нас хорошо, если одна за день проедет!

И деревня, если ты не такой, как все, убивает быстрее, чем равнодушие.

Конечно, всегда найдутся разного рода туристы от политики, от всяких там ассоциаций, типа здорового питания биологически чистыми продуктами или еще чего-нибудь в том же сказочно милом духе, которые скажут вам, что я сильно преувеличиваю, но я-то их знаю, всех этих людишек... О да, я прекрасно их знаю... Они, как работники социальных служб: в конечном счете видят лишь то, что им показывают.

И я их понимаю.

Я понимаю их, потому что сама стала, как они.

Всякий раз, как я еду в Ранжис или возвращаюсь оттуда, а это минимум четыре раза в неделю, я точно знаю момент, когда мне лучше полностью

сконцентрироваться на дороге. Да, дважды за время пути я не отрываю взгляд от разметки, жму на газ и изо всех сил соблюдаю безопасную дистанцию. Знаете почему? Потому что там, в этих местах, где-то между Парижем и Орли, на обочине, прямо вровень с шоссе, расположены две отвратительные помойки.

Проблема не в том, что они мерзко выглядят, проблема в том, что на самом деле это не помойки... Нет, это жилые дома. С комнатенками, в которых спят девочки, вынужденные постоянно обороняться.

Ладно, проехали. Как я уже говорила, у каждого свои геморрои. Что до меня, то я столько натерпелась, что превратилась в законченного эгоиста, в настоящего монстра, и мой эгоизм – это лучшее, чем я могу поделиться с малышками Билли с автотрассы А6.

Смотрите, девчушки, смотрите на меня, в моем старом битом фургоне, полном цветов, – я являюсь живым доказательством того, что из этой безысходности есть выход.

* * *

Да, мы заметили друг друга, но все эти годы избегали общаться, потому что оба были изгоями в нашем колледже имени Жака Превера[17 - Превер, Жак (1900–1977) – французский писатель, поэт, сценарист. (Прим. переводчика)].

Я – потому что жила в Сморчках (это не название какой-то дыры или грибной поляны, это... сама не знаю... никогда на самом деле не знала... типа рабочий квартал... или свалка, где мусор не сортируют... все думали, что там жили «цыгане», но они были никакие не цыгане, просто там жила семейка моей мачехи. Ее отец, дядьки, ее двоюродные сестры, мои сводные братья и все прочие – жители Сморчков, попросту говоря...), и каждый день утром и вечером я чуть ли не по два километра топала до следующей остановки, чтобы залезть в автобус как можно дальше от всего этого бардака и моего Home Sweet Mobile-home[18 - Дома, милого дома на колесах (англ.)], так как боялась, что никто не захочет сидеть со мной рядом; ну а он потому что слишком сильно отличался от всех остальных...

Потому что он не любил девочек, но только они-то ему и нравились, потому что он прекрасно рисовал и был абсолютно неспособен к спорту, отличался хилостью и аллергиями на все и вся, вечно таскался один и, наглухо отгородившись от всех, витал в облаках, даже в столовую заходил последним, чтобы избежать шума и толкотни у турникетов.

Знаю, звездочка, знаю, моя дорогая... моя история сильно смахивает на дешевую штамповку... Маленький несчастный педик со своей помоечной Козеттой – довольно грубо, признаю, ну что ж... вы бы предпочли, чтоб я наплела вам что-то другое? Рассказала бы, что, мол, зимую я в настоящем доме, или добавила бы Франку мотороллер и пару браслетов на запястья, чтобы не выглядеть персонажами из идиотского телесериала?

Но нет... Мне бы очень хотелось, но не могу... Потому что это все про нас... Первый акт нашей с ним жизни... Neverland[19 - «Neverland» (англ., букв. Земля, которой нет) – калифорнийское ранчо Майкла Джексона, названное им в честь страны проживания его любимого персонажа – Питера Пэна. (Прим. переводчика)] и Dadou Ronron[20 - Отсылка к песне Франка Аламо «Da Dou Ron Ron» (1963 г.). (Прим. переводчика)]. Нежная ярость и упрямая башка. И не стану я ничего тут приукрашивать ради утешения сердобольных домохозяек...

So, Beat It.

Just Beat It[21 - Здесь: Так что проваливай. Просто вали отсюда (англ.)][22 - Слова из песни Майкла Джексона «Beat It» (альбом «Thriller», 1982 г.). (Прим. переводчика)].

Чего еще? Да хватит, пожалуй, разве нет? Я же не стала втирать вам про всякие приставания и прочие гнусности такого рода...

Мне повезло: в нашем доме это не практиковалось.

В нашем доме больно били, но в трусы не лезли.

Ох-ох-ох, звездочка моя, вы как?

К тому же, вы знаете, не думаю, что наша история такое уж прям клише. Думаю, во всех колледжах Франции, да и в прочих тоже, будь то в городе или деревне, в учебных классах полно «подпольщиков» типа нас...

Бойцов невидимого фронта, запутавшихся в самих себе, тех, кто с утра до вечера живет, затаив дыхание, и частенько от этого поддыхает, если никто не подберет их однажды или они не справятся самостоятельно... К тому же, на мой взгляд, я в кои-то веки очень мягко об этом говорю. Не потому что хочу избавить вас от неловкости, а сама – избежать критики, просто однажды вечером в мой день рождения, тогда, мне кажется, исполнилось двадцать два, я сделала полную перезагрузку.

Я на глазах Франка Мюллера начала все сначала и поклялась ему, что с прошлым покончено. Что я больше никогда не позволю причинять себе боль.

Малышке Козетте, возможно, и не хватает воображения, зато она выполняет свои обещания.

* * *

Мы так старательно избегали друг друга, что запросто могли бы и вовсе разминуться.

Второй триместр подходил к концу, нам оставалось дотянуть всего несколько месяцев, а дальше каждый пошел бы своей дорогой исходя из набранных баллов и собственных устремлений. Я мечтала как можно скорее пойти работать, а он... я не знала... Он, когда я смотрела на него издали, напоминал мне Маленького принца... У него был такой же желтый шарф... И кем он станет – было никому неизвестно...

Да уж, каких-то несколько недель по-прежнему не замечать друг друга и навсегда друг друга потерять, стереть из памяти и внешние черты, и все, что за ними скрывалось.

Но не тут-то было: нам выпал второй акт...

Неужели Господь так устыдился того, что с Его попустительства здесь по сю пору творилось, что решил выправить ситуацию, сделав ее более удобоваримой, или же это вмешались вы? Вернее, ты? Да, мне надоело обращаться к тебе на «вы», словно я разговариваю с сотрудницей службы занятости. В общем, не знаю, кто это сделал и с какой целью, но по-любому все произошло в точности, как у Тима Бёртона, когда Чарли вытащил свой золотой билет из плитки шоколада Wonka[23 - «Чарли и шоколадная фабрика» (англ. Charlie and the Chocolate Factory, 2005 г.) – фильм режиссера Тима Бёртона по одноименной повести Роальда Даля. (Прим. переводчика)]. Это случилось... действительно в самый последний момент...

Ну вот, черт побери, стоило вспомнить, как опять накатило – пряча слезы, утыкаюсь обратно в свое разбитое изголовье.

* * *

Как говорится, привет, Альфред! Да, и когда я вам тут рассказывала, что ни школа, ни преподы ни при чем в истории моего спасения из Сморчков, я была неправа. Конечно, неправа... хотя с учетом того, как они ко мне относились, все эти преподы, возводить их теперь на пьедестал меня жаба душит, но все же... я должна им быть благодарна не только за то, что хоть иногда во время учебного года они оставляли меня в покое, я им обязана куда бо?льшим...

Без мадам Гийе, которая вела у нас французский в восьмом классе и была повернута на театре – или на живых картинах, как она говорила, – без нее я сейчас уже точно была бы законченным зомби.

С любовью не шутят

С любовью не шутят

С любовью

не

шутят

Ох... до чего же мне нравится повторять это название[24 - «С любовью не шутят» (франц. *On ne badine pas avec l'amour*, 1834 г.) – пьеса французского поэта, драматурга и прозаика Альфреда де Мюссе (1810–1857). (Прим. переводчика)]...

* * *

В то утро матушка Гийе явилась в класс с плетеными корзиночками для хлеба. В первой лежали бумажки с именами девочек, во второй – с именами мальчиков, а в последней – с названиями сцен, которые нам предстояло играть: девочкам в роли Камиллы, мальчикам в роли Пердикана.

Когда я услышала, что волею случая в партнеры мне достается Франк Мюмю, я не только не знала, что пьеса, о которой идет речь, вовсе не о животных (поскольку я-то слышала «Пеликана»), но еще и, помнится, с ходу расстроилась не на шутку...

Жеребьевку намеренно провели прямо перед пасхальными каникулами, чтобы нам хватило времени выучить наизусть текст, но для меня это было катастрофой. Разве могу я сосредоточиться и выучить хоть что-нибудь наизусть во время этих чертовых каникул? Заведомый провал. Я должна отказаться. И главное, пусть ему поменяют партнершу, а то ведь еще и он из-за меня схлопочет плохую оценку. В моем случае каникулы были синонимом... полного отсутствия самой возможности выучить что бы то ни было. А тут вся эта болтовня в кружевных жабо, к тому же напечатанная мелким шрифтом, нет, об этом не стоило даже думать.

В общем, после уроков я уже настолько распереживалась, что и не заметила, как он ко мне подошел.

- Если хочешь, мы можем репетировать у моей бабушки...

Я тогда впервые в жизни услышала его голос и... Уф... О господи... Как же это было прекрасно... Мне сразу полегчало. Он помог мне выйти из стресса.

Каким образом? Освободив меня от необходимости о чем-либо просить взрослого...

Поскольку он решил, что я раздумываю (какой там - передо мной открывалась перспектива провести две недели в нормальном доме!), то скромно добавил:

- Она в прошлом портниха... Может быть, она и костюмы нам сделает...

* * *

Я отправлялась к этой даме ежедневно и с каждым разом проводила у нее все больше времени. Однажды я даже осталась там ночевать, потому что по телику показывали «Ожерелье»[25 - «Ожерелье» (франц. La perle, 2007 г.) - фильм режиссера Клода Шаброля по одноименной новелле Ги де Мопассана. (Прим. переводчика)] и Франк предложил мне посмотреть фильм вместе с ними.

В кои-то веки мои Сморчки оставили меня в покое. Это ужасно, но в наших кругах - среди неимущих - начать половую жизнь в юном возрасте считается почетным.

Мне было пятнадцать, у меня был парень, я с ним гуляла, стала с ним жить - значит, не так уж и безнадежна.

Конечно, всевозможной грязи и унижительных домыслов я тогда наслушалась сполна, но, во-первых, к этому я давно привыкла, а во-вторых, до тех пор, пока родственнички не мешали мне сваливать, на все их оскорбления мне было глубоко плевать.

Моя мачеха по такому случаю даже прикупила мне новых шмоток. Парень – это поважнее хороших оценок, считала она...

Если бы я знала это раньше, думала я, разглядывая свои первые более-менее приличные джинсы, если бы я знала, я бы давно уже напридумывала себе целую кучу пеликанов...

Даже не догадываясь об этом, по разнообразнейшим и на тот момент совершенно непонятным причинам, Франк одним своим присутствием – не «в моей жизни», нет, просто самим фактом своего существования – изменил весь расклад.

Во всяком случае – для меня.

Это были единственные за все детство и самые прекрасные в моей жизни каникулы.

Уф... Да когда ж это кончится...

Снова носом в подушку.

* * *

Поначалу меня там больше всего смутила тишина. Поскольку бабушка Франка оставляла нас заниматься одних, а Франк говорил очень тихо, то мне все время казалось, будто в соседней комнате покойник. Франк видел, что что-то не так, и то и дело спрашивал, все ли в порядке, и я всякий раз отвечала «да», хотя на самом деле чувствовала себя не в своей тарелке.

А потом привыкла...

Как в школе, переступая порог, я скидывала свои доспехи и попадала в другое измерение.

Первый раз мы с ним занимались в столовой, которая, наверно, никогда не использовалась по назначению, настолько там все было чисто. И странно пахло... Пахло старостью... Грустью... Мы сели друг напротив друга, и он предложил мне для начала вместе перечитать пьесу, а уж потом обсудить, как нам ее репетировать.

Мне было стыдно, я ничего не понимала.

Насолько ничего, что читала из рук вон плохо. Как будто расшифровывала китайскую грамоту...

В конце концов он спросил, читала ли я эту пьесу раньше или хотя бы тот отрывок, который нам с ним достался, и, поскольку я медлила с ответом, он закрыл книгу и молча уставился на меня.

Я уже готова была оскалиться. Не хватало еще, чтоб он тут меня доставал со всем этим бессмысленным словоблудием четырнадцатого века. Я не против была просто заучить заданные фразы наизусть, как пример старинного жаргона, то есть чисто фонетически, только пусть он тут со мной не корчит из себя учителя. Желаящих одернуть меня и поставить на место, напомнив, какое я ничтожество, мне и без него хватало. Ладно еще в школе, там я старалась особенно рта не раскрывать, чтобы не нарваться на лишние неприятности, но здесь, в этой комнате, насквозь провонявшей средством для чистки зубных протезов, это было уже чересчур. И пусть он перестанет так на меня смотреть, иначе я уйду. Я не могу, когда меня так вот разглядывают. Это невыносимо.

- Мне очень нравится твое имя...

Мне было приятно это услышать, хотя я и подумала про себя: еще бы, это же мужское имя... но он с ходу утер мне нос:

– Так звали одну замечательную певицу... Знаешь Билли Холидей?

Я покачала головой.

Уф, нет... Ничего я не знала...

Он сказал, что как-нибудь даст мне ее послушать, а пока попросил меня пересесть:

– Слушай, иди сюда... Садись-ка ты на диван... Вон туда... На, держи подушку... Располагайся поудобней... Как будто ты пришла в кино...

Поскольку я никогда в жизни в кино не была, то предпочла сесть на пол.

Он встал напротив меня и заговорил.

Прежде всего он нормальным языком пересказал мне сюжет:

– Значит, так... Этот старик, которого зовут Барон... В начале пьесы он взволнован, потому что с минуты на минуту должны разом вернуться его сын Пердикан, которого он много лет не видел – Пердикан ездил учиться в Париж, – и Камилла, его племянница, с раннего детства бывшая у него на попечении, которую он не видел еще дольше, поскольку отправил ее на воспитание к монашкам... Не делай такие глаза, в то время это считалось нормальным... Монастырь заменял собой пансион для благородных девиц. Их там учили шить, вышивать, петь, в общем, делали из них будущих идеальных жен, к тому же можно было не беспокоиться за их девственность... Камилла и Пердикан не виделись десять лет. Они выросли вместе и в детстве обожали друг друга. Как брат с сестрой, и очевидно, что даже немного больше, если хочешь знать мое мнение... На их воспитание Барон потратил уйму денег и теперь хотел бы их поженить. Именно потому, что они и так обожали друг друга, к тому же, их свадьба позволяла Барону поправить его собственный бюджет. Да уж... все-таки 6000 экю... Ты как? Ты меня слушаешь? Ладно, продолжаю. Так вот, у Пердикана и Камиллы, у каждого из них был свой наставник... Смотрела «Пиноккио»? Ну это что-то наподобие сверчка Джимини Крикета... В общем, тот, кто о них заботится, ну и заодно постоянно следит, чтобы они не сбивались с верного пути. У

Пердикана наставником, то есть единственным его воспитателем, был Мэтр Блазиус, у Камиллы – мадам Плюш. Мэтр Блазиус – толстяк, бездонное брюхо, который только и думает, как бы выпить; мадам Плюш – старая гримза, которая только и делает, что перебирает четки и шипит, стоит какому-нибудь мужчине чересчур близко подойти к Камилле. Сама недотраханная, вернее, вообще отродясь не трахавшаяся, так что, понятное дело, желающая той же участи и для своей подопечной...

Помню, к этому моменту я уже не знала, что и думать. Меня даже стали одолевать сомнения... Неужели это и вправду задала нам училка? Неужели это и вправду столь пикантно? А мне-то казалось... От самого имени этого парня – Альфред де Мюссе – за километр несло нафталином, и я... ладно, я улыбалась, а поскольку я улыбалась, Франк тоже выглядел совершенно счастливым. У него, казалось, выросли крылья за спиной, и он наговорил с три короба, удерживая мое внимание.

Сам того не ведая, он подарил мне первую в жизни встречу с театром. Первый в моей жизни спектакль...

Закончив с представлением персонажей, он принялся проверять, хорошо ли я всех запомнила, задавая мне всякие каверзные вопросы:

– Прости, но я вовсе не пытаюсь тебя подловить... Это просто чтоб ты не запуталась дальше, понимаешь?

Я соглашалась с ним, но на самом деле на пьесу мне было глубоко плевать. Я понимала только, что некий человек уделяет мне внимание, мило со мной беседует, и для меня это было уже не задание по французскому, а настоящая научная фантастика.

А потом он прочитал мне «С любовью не шутят». Вернее, разыграл по ролям. Он менял голос, выступая за разных персонажей, и залезал на табурет, изображая хор.

В роли Барона он был настоящим бароном, в роли Блазиуса – старым добродушным толстяком в легком подпитии, в роли Бридена – мелким гнусным старикашкой, только и думающим что о еде, в роли мадам Плюш – старой девои, разговаривающей с поджатыми губками, в роли Розетты – милой крестьянской девушкой, попавшей в водоворот событий, в роли Пердикана – юным красавцем, не понимающим, чего же он хочет: гулять и трахаться или остепениться, в роли Камиллы – юной девицей, не шибко прикольной, но прямолинейной и рассудительной. По крайней мере, в начале...

Восемнадцатилетняя девушка, ничего не знающая о жизни, похожая на свечку, что зажигают в церкви: суперпростая, суперчистая, супербелая, сгорающая в собственном огне.

Да, у нее внутри настоящий пожар...

Я была... потрясена.

Прямо как давеча, когда, глотая слезы, увидела бескрайность неба, раскинувшегося надо мной...

Крепко сжимая в руках подушку, я так и застыла с улыбкой на губах.

Я улыбалась не переставая.

Как вдруг, изображая Пердикана, он с легким раздражением презрительно сказал Камилле: «Милая моя сестрица, монахини поделились с тобой своим опытом, но, поверь мне, это не твой опыт; ты не умрешь, не познав любви», и разом громко захлопнул книжку.

– Почему ты остановился? – забеспокоилась я.

– Потому что это конец нашей сцены и время полдничать. Ты идешь?

На кухне, подкрепляясь черствыми «мадленками», выданными его бабушкой, и запивая их уж и не помню чем, наверно «Оранжевой», я не сдержалась и высказала вслух то, что думала:

- Глупо вот так вот обрывать нашу сцену... Интересно ведь узнать, что она ответит...

Он улыбнулся.

- Согласен... Проблема в том, что дальше идет очень плотный текст... Длинные монологи... Учить их наизусть - мало не покажется... Но все равно жаль, потому что лучшее в этой сцене, сама увидишь, происходит в финале, когда Пердикан выходит из себя и объясняет Камилле, что да, все мужики - придурки, все бабы - стервы, но в мире нет ничего прекрасней того, что происходит между придурком и стервой, когда они любят друг друга...

Я ему улыбнулась.

Мы больше тогда ничего друг другу не сказали, но в тот момент оба знали продолжение наперед.

Мы допили свою «Оранжеву» так, словно бы ничего не случилось, но оба знали.

Знали и понимали, что это понятно нам обоим.

Мы понимали, что для нас это последний шанс реванша за все годы одиночества, проведенные среди придурков и стерв всего мира.

Да. Мы ничего не сказали друг другу, просто немного помолчали, глядя в окно, чтобы снять напряжение, но мы уже это знали.

Что на самом деле мы двое тоже прекрасны...

* * *

О том, что произошло потом, я могла бы рассказывать тебе всю ночь. О тех двух неделях, что мы провели вместе: как мы разговаривали, учили текст, разыгрывали его по ролям, ссорились, мирились, как я швыряла книгу, нервничала, отказывалась продолжать, истерила, бралась заново, как мы начинали все сначала, репетировали и репетировали, все снова и снова.

Я могла бы рассказывать тебе об этом всю ночь, потому что для меня моя жизнь началась именно тогда...

И это, звездочка моя, не образное выражение, а настоящее свидетельство о рождении, так что ты с этим, пожалуйста, не шути. А то я обижусь.

* * *

Мы решили встречаться каждый день после обеда и репетировать сцены, выученные с утра, и довольно быстро мне пришлось подыскивать себе тихий уголок вне дома, чтобы иметь возможность спокойно заниматься.

Я перепробовала разные места: заднее сиденье разбитого автомобиля, крыльцо заброшенной лесопилки, старую прачечную, но мои попытки спрятаться превратились в своеобразную игру для детей моей сводной сестры (сводной в том смысле, в котором это было принято в нашей семье) – они таскались за мной повсюду и нигде не оставляли в покое, пока наконец я не нашла себе прибежище на кладбище, устроившись в одном из склепов.

Все эти кресты, черепа, обломки надгробий и ржавых оград – все это мгновенно настраивало на должный лад, а кроме того, как нельзя лучше подходило Камилле со всем ее занудством и истовой набожностью.

Я не специально выбрала это место, но оно и вправду оказалось более чем кстати...

Не знаю, было ли это связано с обстановкой, с тем, что покойники, убивая время, со скуки решили немножко мне подсобить, но я до сих пор в шоке от того, насколько легко и быстро я выучила тогда наизусть весь свой текст.

Поскольку я бережно сохранила старую книжку, мне иногда случалось, просто удовольствия ради, перечитывать нашу с Франком сцену, так вот, всякий раз мне хотелось саму себя ущипнуть, дабы убедиться, что это не сон. И как только мы все это выучили? И как только мне это удалось? Я ведь даже с таблицей умножения до сих пор не справилась и всегда терялась, если нам задавали выучить больше пяти строк.

Я не знаю... Думаю, я сделала все это ради того, чтобы быть достойной Франка Мюллера... Чтобы он не разочаровался во мне... В качестве благодарности – ведь он так по-доброму говорил со мной в первый день...

Глупо, да?

И потом... не знаю, как бы все это объяснить умными словами, но мне казалось тогда, что суть не в том, чтобы взять реванш у мира и всех этих людей, которые в действительности уже давно мне были безразличны, а в чем-то значительно более важном...

Ведь мне не надо было ничего доказывать.

Никому.

Мне только хотелось сделать приятное Франку и вырваться из своего ада.

В ту пору я была слишком мала, чтобы все это осознать, а сейчас мне явно не хватает словарного запаса, чтобы выразить свою мысль, но, когда я, скрючившись в три погибели, зубрила в своем склепе слова этой девицы, которая все докапывалась и докапывалась до истины, пытаюсь найти ответ на безумные вопросы, терзавшие ее мозг, меня не покидало ощущение, что все это я делаю не просто так. Да, я влезаю в шкуру этой героини, жадно ищущей себя, чтобы по ходу позаимствовать у нее упертости и последовать ее примеру.

Должно быть, я думала про себя, хотя и не знала этого наверняка, что если я справлюсь со всеми своими репликами и тем самым позволю Франку Мюллеру исполнить его роль в наилучших условиях, то тогда, тогда я буду уже не одной

из Сморгков.

Я стану... просто сама собой. Целиком и полностью. Родом отсюда, из этого заброшенного склепа. Из этой крохотной моей часовни...

Так вот, я сидела там, посреди осколков гипса, внимая бредням этой вздорной буржуйки, которая никогда в своей жизни ни в чем не нуждалась и хотела получить все сразу, весь прикуп, даже не начиная игры, которая предпочла бы и вовсе не играть, предпочла бы вовсе ничего не прожить, лишь бы не жить, как все, и всё, что мне оставалось делать, это как можно ближе к ней подобраться, чтобы понять ее потребность в большем, нежели она сама.

Потому что даже если я и не разделяла ее навязчивых идей, я восхищалась ею...

Я знала, что она ошибается. Знала, что сестры-монашки хорошенько промыли ей мозг и что ее саму это тоже устраивало, потому что ей было страшно сделать шаг в пустоту. Знала, что она никогда не справится со своей гордыней и всю жизнь будет страдать из-за своей одержимости этой идиотской чистотой. Знала, что если бы она когда-нибудь хоть на пару минут заглянула в Сморгки, то сразу бы успокоилась и совсем иначе взглянула бы на свою жизнь – вела бы себя поскромнее, ну а пока именно это делало ее наилучшей пособницей моего побега.

Она настолько уперта и несгибаема, что никогда не отступится, так что если я, со своей стороны, не подведу, то у нас все получится.

Йес. С таким-то ослиным упрямством, как у нас двоих, мы сделаем это!

Конечно, тогда я всего этого не осознавала, но, звездочка моя, мне было пятнадцать... Мне было пятнадцать, и я готова была уцепиться за что угодно, лишь бы только выбраться оттуда...

Да, я могла бы говорить об этом всю ночь, но, поскольку времени у меня нет, перемотаю по-быстрому и остановлюсь только на двух самых важных моментах в этой истории...

Во-первых, наш разговор после читки первого дня, а во-вторых – то, чем закончилось наше «выступление».

Эй, звездочка моя, ты еще здесь?

Ты ведь не бросишь меня, нет?

Когда тебе надоест слушать мою болтовню, пришли мне носилки с парой красивых парней в комплекте, чтобы воскресить моего Франки, и я тут же оставлю тебя в покое, обещаю.

(Эй, не напрягайся... Парней ты можешь стащить у Abercrombie[26 - Abercrombie & Fitch – американская компания, основанная в 1892 г. В наши дни специализируется на молодежной моде стиля Casual Luxury, известна своей провокационной политикой в области маркетинга и рекламы, а также принципами подбора и менеджмента персонала: в магазинах компании (более 1000 по всему миру) продавцами работают полуобнаженные юноши модельной внешности, с которыми можно фотографироваться. (Прим. переводчика)], они там всегда во всеоружии.)

* * *

Она умерла. Прощай, Пердикан!

Франк замолчал, и: Та-да-да-да... – типа объявил рекламную паузу... мол, продолжение следует!

С каким нетерпением я ждала продолжения.

Ломала голову, как именно эти двое снова выйдут сухими из воды, ведь смерть простолюдинки в таком великосветском антураже – явно сущая безделица, а

хорошая история, особенно о любви, всегда заканчивается свадьбой с песнями, плясками и прочими прибабахами.

Но нет.

Это конец.

Он был взволнован, я рассердилась.

Он говорил, что это круто, я говорила «отстой».

Он видел в этом прекрасный урок, я – полный бред.

Он отстаивал Камиллу, твердил о ее честности, чистоте, о ее стремлении к абсолюту, тогда как с моей точки зрения, она была зажатой и унылой мазохисткой, легко поддающейся влиянию.

Он презирал Пердикана, а я... Я его понимала...

Он был убежден, что Камилла немедленно вернулась в монастырь. Печальная и разочарованная, она и так была о мужчинах не лучшего мнения, а тут лишь нашла подтверждение своей правоте. Я же была уверена, что в конечном счете она отдалась Пердикану прямо в кустах, предварительно обменявшись парой-тройкой примирительных писем.

Короче, сцепились мы с ним не на шутку, и сдаваться никто из нас не хотел.

Такой вот у нас с ним вышел словесный поединок.

Прости?

Ты что-то сказала, звездочка моя?

Ты совсем запуталась?

Ты подзабыла пьесу?

Сейчас, подожди. Не двигайся. Я расскажу тебе в двух словах, в чем там дело, сначала свою версию, потом – версию Франка, версию Мюссе ищи где-то посередине...

А) (моя версия) Камилла выходит из монастыря, где все свое отрочество выслушивала стенания монашек, которые кисли там от досады, горечи и отчаяния. Все они – либо обманутые жены, либо уродины, либо и то и другое сразу, или же у их семей не хватало средств им на приданое. Ладно, о'кей, среди них наверняка попадались и более просветленные, и более мотивированные, но такие не забивают головы юных дев всякой дрянью. Такие молятся.

Камилла по-прежнему по уши влюблена в своего кузена Пердикана, столько лет просидев взаперти в этой консервной банке, она только о нем и грезит. Да, она вздыхает, сохнет по нему, страдает и все такое прочее, но поскольку она отъявленная гордячка и догадывается, что за это время в Париже он уже кучу девок сменил, и у нее от этой мысли аж зубы сводит, то она преследует его, всеми возможными способами пытаюсь добиться, чтоб он типа встал на колени и, цепляясь за ее монашеское одеяние, изрек что-то вроде: «О да... это правда... я трахался с другими... но только гигиены ради, ты же знаешь... Мне всегда было на них глубоко плевать... Да и они все были шлюхи... Ты же знаешь, любовь моя, что я никогда не любил никого, кроме тебя... Да я больше никогда в жизни ни на одну другую женщину даже не взгляну... Клянусь тебе на твоем же кресте с распятием... Ну ладно, прости меня, чего уж там... Прости, что проваливался в коварные потайные дыры, но было так темно, что я не видел ничего дальше кончика собственного члена...»

А так как ее план не срабатывает (увы, но нет...) (хотя он тоже ее любит...) (увы, но да...) (правда, не бряцая цепями, запирающимися на ключ) (увы, нет...) (в противном случае, это уже не любовь, а страховой полис) (увы, да...) (и все это – в сцене, которая нам досталась), то она решает вернуться обратно в свой бункер и пишет письмо подружке по дортуару, в котором, вместо того чтоб сказать: «Увы, он и я, мы не сошлись взглядами на жизнь, так что готовь мою плоску и волосяной матрац, я скоро припрусь назад», она сочиняет с три короба, типа: «О, сестра моя... О-ля-ля... Я ему отказала... Ох, бедный... Ох, как же он настрадался... Ох, помолитесь за него, потому что... кхе-кхе-кхе... не знаю,

оправится ли он и все такое».

Ладно, в конце концов, почему бы и нет? Ей же надо было подготовить себе достойный прием по возвращении, с радостным щебетаньем и кудахтаньем, вот только ей не повезло: Пердикан перехватил письмо, прочел его (да, согласна, это низко), обнаружил, что она заливает без всякого удержу, и решил ее наказать, загуляв с бедняжкой Розеттой, что в замке пасла гусей и просто не вовремя проходила мимо.

Камилла видит их вместе, это задевает ее за живое, она осознает, что по-настоящему любит его, понимает, что должна взять себя в руки и прекратить идиотничать, но опять идиотничает, и Пердикан, сытый по горло этими ее блужданиями между ним и Иисусом, делает вид/принимает решение (по этому пункту мы с Франком спорим по сей день) и впрямь жениться на Розетте.

На этот раз Камилла не выдерживает и отбрасывает наконец свои четки, а вместе с ними и свое самолюбие.

О! Супер! Наконец-то они поцелуются после всех этих сцен, которые они закатывали друг другу на протяжении трех актов, вот только снова не повезло: Розетта, оказавшаяся неподалеку, все слышит и в отчаянии кончает с собой.

Остальное вы знаете.

Что ж...

Хлоп, хлоп, ага?

Уж лучше бы они шутили с любовью, эти придурки...

У них было все. Деньги, красота, здоровье, молодость, добрый папа, чувства друг к другу, все... И они все это порушили, да еще и по ходу человека убили... просто так, забавы ради... из эгоизма... чтобы порадовать себя пустой болтовней, покрасоваться у фонтана, поглаживая себя веером по кончику носа.

Отвратительно.

Б) (версия Франка) Камилла любит Пердикана. Она любит его чистой любовью. Она любит его сильнее, чем когда-либо любил или будет любить ее он.

И она это знает, потому что, пусть даже она и выпендрежница, в любви ей известны такие области, какие ему с его «сорванцом» даже и не снились. А все почему? Потому что в монастыре ей открылась Истинная любовь, Большая и Чистая. Та, что никогда не разочарует, ибо не имеет ничего общего со всеми этими нашими сексуальными игрищами на поживу адвокатам и riggerpeople.com[27 - Информационно-новостной сайт о жизни разного рода знаменитостей. (Прим. переводчика)].

Да, ее коснулась милость Божья, и она готова пожертвовать своим счастьем на этой земле ради служения своему Божественному Возлюбленному.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Некоторые любят погорячее» (англ. *Some like it hot*, 1959 г.) – музыкальная комедия режиссера Билли Уайлдера, в российском прокате известная под названием «В джазе только девушки». (Прим. переводчика)

2

Что ж... Никто не совершенен... (англ.)

3

«Потому, что это был он, и потому, что это была я» – отсылка к знаменитой фразе Мишеля де Монтеня (1533–1592), французского писателя и философа эпохи Возрождения, которой он объясняет свои отношения с Этьеном де Ла Бозси (1530–1563) («Опыты», том I, глава XXVIII). (Прим. переводчика)

4

«В диких условиях» (англ. Into the Wild) – кинофильм режиссера Шона Пенна по одноименной книге Джона Кракауэра, вышедший на экраны в 2007 г. (Прим. переводчика)

5

Quechua – марка спортивной одежды, обуви и инвентаря по доступным ценам. (Прим. переводчика)

6

Диджей Ворчун (англ.).

7

«Зенит» (франц. Zenith) – легендарный концертный зал в 19-м округе Парижа.
(Прим. переводчика)

8

Здесь: Это мужской мир, вы знаете... – Все хорошо (англ.).

9

«It's a Man's World», «I Feel Good» – названия известнейших синглов Джеймса Брауна (1933–2006), американского певца, признанного одной из влиятельнейших фигур в поп-музыке XX в. (Прим. переводчика)

10

Игра слов: Sephora – крупнейшая сеть магазинов парфюмерии и косметики во Франции, плюс «звездный» суффикс -us, как у Сириуса и пр. (Прим. переводчика)

11

Базз Лайтер (англ. Buzz Lightyear) – персонаж студии «Pixar», космический рейнджер, один из главных героев серии мультфильмов «История игрушек». (Прим. переводчика)

12

Названия популярных песен 60-х гг. французского певца, известного под псевдонимом Франк Аламо (настоящее имя – Жан-Франсуа Гранден, 1941–2012). (Прим. переводчика)

13

Билли Джин – не моя любовница, / Она просто девушка (англ.).

14

Слова из песни «Billie Jean» (альбом «Thriller», 1982 г.) легендарного американского артиста Майкла Джозефа Джексона (1958–2009). (Прим. переводчика)

15

«Sur un dernier signe de la main» – песня Франка Аламо. (Прим. переводчика)

16

Polly Pocket (англ., букв. Карманная Полли) – линия игрушек, включающая в себя миниатюрных пластиковых кукол и множество аксессуаров. Первоначально наборы выпускались в футлярах карманного размера, с конца 90-х куклы Полли существенно «подросли» и в современном виде похожи на мини-Барби. (Прим.

переводчика)

17

Превер, Жак (1900–1977) – французский писатель, поэт, сценарист. (Прим. переводчика)

18

Дома, милого дома на колесах (англ.).

19

«Neverland» (англ., букв. Земля, которой нет) – калифорнийское ранчо Майкла Джексона, названное им в честь страны проживания его любимого персонажа – Питера Пэна. (Прим. переводчика)

20

Отсылка к песне Франка Аламо «Da Dou Ron Ron» (1963 г.). (Прим. переводчика)

21

Здесь: Так что проваливай. Просто вали отсюда (англ.).

22

Слова из песни Майкла Джексона «Beat It» (альбом «Thriller», 1982 г.). (Прим. переводчика)

23

«Чарли и шоколадная фабрика» (англ. Charlie and the Chocolate Factory, 2005 г.) – фильм режиссера Тима Бёртона по одноименной повести Роальда Даля. (Прим. переводчика)

24

«С любовью не шутят» (франц. On ne badine pas avec l'amour, 1834 г.) – пьеса французского поэта, драматурга и прозаика Альфреда де Мюссе (1810–1857). (Прим. переводчика)

25

«Ожерелье» (франц. La raquette, 2007 г.) – фильм режиссера Клода Шаброля по одноименной новелле Ги де Мопассана. (Прим. переводчика)

26

Abercrombie & Fitch – американская компания, основанная в 1892 г. В наши дни специализируется на молодежной моде стиля Casual Luxury, известна своей провокационной политикой в области маркетинга и рекламы, а также принципами подбора и менеджмента персонала: в магазинах компании (более 1000 по всему миру) продавцами работают полуобнаженные юноши модельной внешности, с которыми можно фотографироваться. (Прим. переводчика)

27

Информационно-новостной сайт о жизни разного рода знаменитостей. (Прим. переводчика)

Купить: <https://telnovel.com/ru/anna-gavalda/billi>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)